

А.Л. Николаев

Подготовка специалистов по русской старине в Санкт-Петербургском и Московском археологических институтах

Ключевые слова: археология, археолог, архивист, дореволюционный, студент, преподаватель, лекция, курс, методика, специалист.

Key words: archeology, archeologist, archivist, before the revolution, student, teacher, lecture, subject, method, specialist.

То положение, что Санкт-Петербургский и Московский археологические институты стали базовыми специализированными учебными заведениями для подготовки археологов и архивистов в дореволюционной России, сейчас является хрестоматийным фактом [1, с. 168], но до сих пор для широкой аудитории остается неизвестным механизм подготовки студентов, отличия археологических институтов от историко-филологических факультетов, конкретные статистические данные о количестве студентов и выпускников, их социальный состав.

Историография археологических институтов в дореволюционной России практически не разработана, поэтому мы представляем ее собственное видение.

Попытка дать оценку деятельности Санкт-Петербургского и Московского археологических институтов была сделана еще в дореволюционный период. Первым, в силу своих профессиональных обязанностей, к этой теме обратился директор Санкт-Петербургского археологического института И.Е. Андреевский. Давая обзор деятельности института за первые десять лет, он не скрывает прошедшие и возникающие институтские проблемы и, что особо ценно, полностью публикует финансовый отчет за прошедший период [2, с. 20–21].

Русский археолог и архивист конца XIX – начала XX в. Д.Я. Самоквасов подверг критике первый в России археологический институт. В работе «Архивное дело в России» он называет Санкт-Петербургский археологический институт, провинциальные исторические архивы и губернские ученые архивные комиссии *общественной архивной службой*. По его мнению, институт не справился со своей главной целью – подготовкой специалистов по архивному делу для занятия ими должностей в провинции [3, с. 19–20]. После смерти Калачова и введением Положения 1899 г. археологический институт в Санкт-Петербурге превратился в общеобразовательное учреждение, задачи которого могли решать исторический и юридический факультеты. Начиная со времени директорствования А.Н. Труворова (1891–1896гг.) в ущерб качеству подготовки институт увлекся количественными показателями, хотя и имел всего одну учебную аудиторию [3, с. 21–22].

Прямо противоположную точку зрения высказал директор Санкт-Петербургского археологического института Н.В. Покровский. Выступая на заседании, посвященном тридцатилетию института, отмечая успехи и неудачи, он отметил, что «труды Института, всегда скромные, чуждые всякой шумихи, принесли и приносят свои добрые плоды» [4, с. 22].

Взгляд Д.Я. Самоквасова, особенно после закрытия в 1922 г. по политическим мотивам археологических институтов в Петрограде и Москве, стал преобладающим в советской историографии. Как правило, деятельность археологических институтов подвергалась острой критике. И.С. Назин считал деятельность губернских ученых архивных комиссий (ГУАК), находящихся в ведении Санкт-Петербургского археологического института, бесполезной, более того, ставя под сомнение их научный характер, а, следовательно, и компетентность руководящего центра [5, с. 26–37].

И.Л. Маяковский назвал критику Д.Я. Самоквасовым Санкт-Петербургского археологического института «справедливой, но буржуазно-ограниченной». По его мнению, Д.Я. Самоквасов не заметил того обстоятельства, что археологический институт возник как частное заведение и, завися от количества вольнослушателей, не мог предоставить своим студентам постоянную практику по архивоведению и тем более направить выпускников руководителями архивов, потому что в дореволюционной России отсутствовала единая система архивов [6, с. 286]. При всех своих недостатках критика Самоквасовым деятельности Санкт-Петербургского археологического института и подведомственных ему губернских ученых архивных комиссий «показала их несостоятельность в области сохранения архивных материалов от уничтожения» [6, с. 290].

Разделяя взгляд Самоквасова и перенося его на Московский археологический институт, И.Л. Маяковский утверждал, что археологические институты не справились с поставленной перед ними первоочередной задачей – подготовкой архивистов и в ущерб этой задаче увлеклись подготовкой археологов. Архивоведение не стало в них темой широких научно-исследовательских разработок. «Такое состояние архивоведения... было следствием отсутствия централизации архивного дела в дореволюционной России» [6, с. 338–339].

В более поздний период, когда была поднята проблематика преемственности дореволюционной и советской археологических школ, И.Л. Маяковский

в переизданных в 1960 г. «Очерках по истории архивного дела в СССР» остался на старых позициях.

И все же в 1980-е гг. дореволюционные археологические институты вновь попадают в поле зрения собственно историков науки.

Е.В. Соболева в своей работе «Организация науки в пореформенной России», освещая общие тенденции развития научных учреждений дореволюционной России и подробно рассматривая процесс специализации в 60–90-е гг. XIX в., отнесла Санкт-Петербургский археологический институт к институтам усовершенствования специалистов [7, с. 260].

В кандидатской диссертации А.М. Пашков рассмотрел вопросы, касающиеся работы дореволюционных археологических институтов как научных и учебных заведений. В качестве причин А.М. Пашков назвал: во-первых, общее развитие исторической науки в России во второй половине XIX – начале XX в. и практическая потребность в профессиональной подготовке работников архивов и сотрудников научных обществ и, во-вторых, необходимость владения всеми специалистами-историками фактическим материалом и методикой исследования в области вспомогательных исторических дисциплин [8, с. 44–45].

А.Д. Пряхин в монографии «История советской археологии (1917 – сер. 30-х гг.)» утверждает, что археологические институты не имели «сколько-нибудь единого срока обучения и тем более целостной системы подготовки кадров» [9, с. 75]. По-видимому, автор был слабо знаком с данной тематикой и повторил традиционную идеологическую установку. А.Д. Пряхин в качестве одного из аргументов несостоятельности дореволюционных археологических институтов приводит мнение бывшего преподавателя Московского археологического института В.А. Городцова. Последний в связи с закрытием в 1922 г. археологических институтов приветствовал перенос подготовки специалистов-археологов в университеты, связывая с этим «конец деятельности вредного археологического дилетантства, господствовавшего в дореволюционное время» [9, с. 73].

Особую ценность представляет работа А.Е. Иванова «Высшая школа в конце XIX – начале XX века», в которой автор дает статистическую информацию о количестве студентов, перечисляет наиболее выдающихся преподавателей археологических институтов и – самое главное – отмечает разницу в учебных программах между ними. По мнению Иванова, это обусловлено тем, что

Санкт-Петербургский археологический институт готовил изначально археографов и архивистов, а институт в Москве – еще и профессиональных археологов. Последний (третий) год обучения в Московском археологическом институте был посвящен практическим занятиям и написанию магистерской диссертации. «Таким образом, Московский архео-

логический институт сочетал в себе черты научно-исследовательского и высшего учебного заведения» [10, с. 125–126]. Однако археологические институты не стали у А.Е. Иванова специальной темой исследования.

Нельзя обойти стороной монографию Е.Ю. Барсариной «Русский Археологический Институт в Константинополе: очерки истории», в которой утверждается, что «второй учебный Археологический институт был создан... по инициативе Д.Я. Самоквасова» [11, с. 4]. Мы не можем согласиться с этой точкой зрения. Если Д.Я. Самоквасов и высказывал мысль об открытии Московского археологического института (МАИ), то в разработке и реализации этого проекта не участвовал. Первым мысль об открытии в Москве второго археологического института, по мере подъема первого в Санкт-Петербурге, высказал учредитель и первый директор

Санкт-Петербургского археологического института Н.В. Калачов [4, с. 17]. В документах Московского археологического института, хранящихся в Центральном историческом архиве Москвы, инициаторами и реализаторами проекта указаны бывший министр народного просвещения генерал-лейтенант В.Г. Глазов и приват-доцент Харьковского университета А.И. Успенский [12, л. 11].

А.Л. Николаев в монографии «Археологические институты дореволюционной России» впервые обозначил саму проблему изучения деятельности археологических институтов и определил основные источники и литературу по данной тематике. В своей работе он впервые в полном объеме исследовал делопроизводственную документацию археологических институтов в

Санкт-Петербурге и Москве и на основании этого исследования сделал вывод о том, что «археологические институты выполнили поставленную перед ними цель» [13, с. 162].

В середине XIX в. отечественная археология окончательно сформулировала еще одно основное направление своего развития – изучение историко-культурных памятников средневековой России [14, с. 53–54]. Развитие источниковедческих дисциплин и практическая деятельность отечественных ученых-историков привели к тому, что на рубеже 60–70-х гг. XIX в. археология стала трактоваться как наука о древностях, включающая в себя весь комплекс вспомогательных исторических дисциплин [15, с. 672].

К началу 1870-х гг., несмотря на изменение в учебных планах и структуре университетских факультетов, в том числе и историко-филологических факультетах Харьковского, Новороссийского и Киевского университетов, в составе которых появляются отделения исторических наук, классической и славяно-русской филологии [7, с. 203–204], ни один из университетов по-прежнему не занимался подготовкой специалистов

по отечественным древностям. В соответствии с §20 «Положения об испытаниях на звание действительного студента и на ученые степени» от 4 января 1864 г., даже после прохождения испытаний, успешно сдавшим их, присваивались соответствующие квалификации (разряды) историков и филологов. Квалификации археолога и архивиста Положения... не предусматривали [7, с. 246].

Следовательно, дальнейшая специализация исторического знания требовала решения этой проблемы либо в рамках уже существующей университетской системы и дальнейшей реформации историко-филологических факультетов, либо за ее пределами, путем создания нового специализированного учебного заведения.

Два первых археологических съездов, прошедших в Санкт-Петербурге (1869) и Москве (1872), среди прочих вскрыли острейшую проблему сохранения провинциальных архивов и подготовки профессиональных архивистов. На повестку дня был поставлен вопрос о создании специализированного археологического научно-образовательного учреждения. Открытый в 1877 г. по инициативе Н.В. Калачова Санкт-Петербургский археологический институт ставил своей целью «приготовление специалистов по разным отраслям археологии и по архивоведению» [16, с. 3]. По замыслу самого Н.В. Калачова «одно и то же лицо, получившее широкое институтское образование, будет служить средоточием архивных и археологических занятий по охранению памятников, собиранию их и изучению». Ни одно учебное заведение того времени не давало археологического образования, и именно Санкт-Петербургский археологический институт должен был восполнить «этот крупный пробел в общей системе русского образования» [17, с. IV].

В 1907 г. по инициативе выпускников института, бывшего министра народного просвещения генерал-лейтенанта В.Г. Глазова и приват-доцента Харьковского университета А.И. Успенского, был открыт Московский археологический институт [12, л. 11], который, кроме научно-исследовательской цели, ставил целью подготовку археологов и архивистов [18].

Таким образом, непосредственными причинами открытия археологических институтов были, во-первых, начавшееся оформление вспомогательных исторических дисциплин, объединенных во второй половине XIX в. в одно научное направление – археологию; во-вторых, необходимость в профессиональной подготовке работников архивов, музеев и библиотек; в-третьих, неспособность старых академических центров, т.е. университетов, решить проблему специализации в рамках историко-филологического факультета.

Положение 1899 г. окончательно определило кафедральную структуру Санкт-Петербургского археологического института, разделив все предметы на основные и неосновные. К основным были отнесены:

славяно-русская археография, славяно-русская палеография, архивоведение, первобытная археология (в особенности русская), христианская археология (памятники искусства, особенно византийские и русские), юридические древности, историческая география и этнография России, нумизматика (особенно русская), дипломатика, а к неосновным, по которым слушание лекций было необязательно, – польско-литовские древности, греческая палеография, и латинская палеография. Положение разрешало институту с ведома Министерства народного просвещения открывать «чтения и по другим отраслям древноведения» [16, с. 3].

Поскольку Московский археологический институт ставил перед собой более широкие образовательные задачи, как-то популяризация исторической науки, то, сохраняя все вышеперечисленные дисциплины, он ввел для преподавания новые, а именно: история русской литературы, всеобщая история искусств, история русского языка, музееведение, библиотекведение и др. [12, л. 5–6]. Желая дать своим студентам более разностороннее образование, Совет МАИ 26 января 1912 г. принял решение об открытии в институте кафедры египтологии и пригласил возглавить ее «ученого археолога доктора Мюнхенского университета В.В. Баллада» [12, л. 47].

Во второй половине 1890-х гг. в Санкт-Петербургском археологическом институте сложился устойчивый педагогический коллектив со своими традициями и авторитетным именем. Христианскую археологию бессменно (с 1878 г.) преподавал профессор Н.В. Покровский. Лекции по славяно-русской палеографии читал А.И. Соболевский, впоследствии академик, директор с 1897 г. К чтению лекций и практическим занятиям по новому тогда еще направлению первобытной археологии был привлечен выдающийся археолог Н.И. Веселовский. Дипломатику вел известный русский историк Н.П. Лихачев. Профессор С.М. Середонин преподавал историческую географию. Среди преподавателей мы видим и самих вчерашних слушателей: А.К. Маркова (нумизматика), С.М. Гольдштейна (польско-литовские древности), А.П. Воронова, читавшего с 1891 г. вместо умершего И.Е. Андреевского лекции по архивоведению [19, с. 2].

Впоследствии в Санкт-Петербургском археологическом институте вместо ушедшего А.И. Соболевского русскую палеографию читал профессор И.А. Шляпкин, а славянскую палеографию – Н.М. Каринский. Выбывшего В.И. Сергеевича заменил профессор С.Ф. Платонов, читавший не только юридические древности, но и славяно-русскую археографию [20, с. 9]. Уже в военное время (в 1914 г.) на смену С.М. Середонину в институт пришел археолог А.А. Спицын [21, л. 16].

Особое значение придавалось изучению архивного дела. Возглавившему институт после смерти

Н.В. Калачова И.Е. Андреевскому пришлось «переквалифицироваться» из историка-юриста в теоретика отечественного архивоведения. В читаемом курсе лекций он сознательно акцентировал внимание на нерешенности архивного вопроса в России 80-х гг. XIX в. и, обсуждая архивный проект Н.В. Калачева 1873 г., возлагал большие надежды на открывающиеся с 1884 г. губернские ученые архивные комиссии [22, с. 124].

Практически одновременно с И.Е. Андреевским в стенах Московского университета в «1884–1885 учебном году В.О. Ключевский впервые в практике отечественного университетского преподавания прочел курс «о методе, терминологии и основных источниках русской истории» [7, с. 108].

Следовательно, общая тенденция к специализации исторического знания прослеживается и на историко-филологических факультетах университетах. Но, заметим, при всем нашем уважении к В.О. Ключевскому, как далек его знаменитый курс от конкретных дисциплин, рассматривающих действительно источники изучения русской истории.

Несмотря на то, что Московский археологический институт открылся гораздо позже, в нем преподавали такие специалисты по русской старине, как профессор А.И. Успенский, читавший архивоведение, всеобщую историю искусства и историю русского искусства, упоминавшийся ранее А.И. Соболевский, преподававший в институте историю русской литературы, М.И. Успенский – христианскую археологию, исследователь городищ на Оке В.А. Городцов – первобытную археологию. Историю русского языка и славяно-русскую палеографию здесь читал Р.Ф. Бранд, геральдику – Ю.В. Арсеньев. Всего в 1908–1909 академическом году в МАИ числился 21 преподаватель [12, л. 6].

В начале XX в. в числе преподавателей археологических институтов появляются женщины. С 1911 г. этнографию в МАИ преподавала В.Н. Харузина [12, л. 38]. В 1916 г. «ввиду болезненного состояния проф. Покровского лекции по Христианской археологии во 2-й половине года читала на правах лектора Н.В. Малицкая» [21, л. 16].

Таким образом, начавшаяся в конце 1870-х гг. преподавателями Санкт-Петербургского археологического института разработка вспомогательных исторических дисциплин продолжилась в начале XX в. в стенах как Санкт-Петербургского, так и Московского археологических институтов.

В археологических институтах учебный процесс строился как в традиционной, так и в специфичной формах. «Занятия слушателей состояли в слушании лекций, в экскурсиях и командировках для ознакомления с памятниками археологии и археографии и в самостоятельных работах их в музеях и архивах» [12, л. 16]. Кроме того, в Санкт-Петербургском археологическом институте начиная с середины 1880-х гг. проводились знаменитые «вечерние беседы профессоров,

членов и слушателей Института для обсуждения специальных вопросов, соприкасающихся с характером Институтских занятий» [23, с. 8], где в форме рефератов зачитывались и обсуждались научные работы. В первое десятилетие такие чтения проходили чаще, а при И.Е. Андреевском еженедельно [4, с. 19]. И хотя впоследствии количество их сокращается, но они продолжают оставаться и рассматриваться советом института одной из форм обязательных занятий для слушателей [24, с. 18].

Первоначально, поскольку первые руководители Санкт-Петербургского археологического института (Н.В. Калачов, И.Е. Андреевский, А.Н. Труворов) были прежде всего специалистами в области юриспруденции, и к тому же институт испытывал острые финансовые трудности, направленность практических занятий носила в основном архивно-музейный характер.

Между тем остро ощущалась потребность в ознакомлении слушателей с практическими изыскательскими работами по археологии. Этот пробел в занятиях был восполнен с приходом в стены института профессора Н.И. Веселовского. Первая (обязательная) учебная археологическая экскурсия состоялась в мае 1898 г. Сначала слушатели под руководством директора института Н.В. Покровского осмотрели церковные древности Пскова, а затем «13 мая в окрестностях города Пскова в урочище Кривовичи, в так называемой «Валуной долине» произведены под руководством профессора Н.И. Веселовского, раскопки древних могил и курганов» [25, с. 29].

С этого времени весенне-летние археологические экскурсии преподавателей и слушателей Санкт-Петербургского археологического института вошли в курс обязательных практических занятий.

Эту форму практических занятий Московский археологический институт стал применять с еще большим размахом. Только в 1910–1911 учебном году под руководством преподавателей слушатели института совершили восемь археологических экскурсий [12, л. 24].

К услугам студентов археологических институтов были институтские библиотеки, музеи и архивы. В 1916 г. библиотека Санкт-Петербургского археологического института насчитывала 19231 том, состоящих из 7304 наименований [21, л. 18]. В библиотеке Московского археологического института в момент открытия (1907 г.) насчитывалось 5522 тома, собрание редких рукописей и старых книг. В 1914 г. в библиотеке института было уже 16 тыс. томов, а музей насчитывал 5 тыс. экспонатов [12, л. 16, 179]. Кроме того, музеи и библиотеки имели и филиалы Московского археологического института. Из них наибольшую известность приобрел, благодаря посещению его императором Николаем II, Смоленский музей института [12, л. 44].

Итак, с теорией слушатели знакомились на лекциях, а знакомство с первоисточниками проходило на практических занятиях в стенах институтов, где студенты разбирали архивные документы и описывали музейные экспонаты, и во время проведения ежегодных археологических экскурсий, когда студенты могли «лично проверить на самих памятниках те результаты ученых исследований, о которых они слышали с Институтской кафедры» [26, с. 4].

Понимая всю важность подкрепления теории практикой, преподаватели Санкт-Петербургского археологического института высказывались об увеличении объема практических занятий и выделения их в «специальные семинариумы». Под общим контролем профессоров практиканты из институтской среды сами вели бы спецкурсы, целью которых было устранение недочетов общих курсов [4, с. 17].

Таким образом, учебный процесс в археологических институтах был построен на неразрывной связи теоретических знаний с практическими занятиями.

Положения археологических институтов, точно так же, как и университетские Уставы 1863 г. и 1884 г., делили студентов на действительных слушателей и вольнослушателей. Но если в студенты университетов зачислялись только молодые люди, окончившие гимназию или сдавшие экзамены за гимназический курс, а все остальные принимались на положении посторонних, т. е. вольнослушателей [27, с. 90], то в действительные слушатели археологических институтов принимали лиц, уже имевших высшее образование или обучающихся в одном из высших учебных заведений, все остальные принимались со статусом вольнослушателей [16, с. 4; 18].

До 1899 г. обучение в Санкт-Петербургском археологическом институте было бесплатным. Более того, нуждающимся даже выделялось пособие. По утвержденному в 1899 г. новому Положению для вольнослушателей была введена плата за обучение в размере 30 руб. [16, с. 4]. Впоследствии плата за обучение была введена для всех, а Совет получил право с дополнением Положения самому устанавливать размер платы за обучение. Так, в 1912–1913 учебных годах «с вольнослушателей взимается 40 рублей, а с действительных слушателей 30 рублей в год» [24, с. 17]. И это была весьма скромная плата за обучение, если учесть, что в Московском археологическом институте все слушатели обязаны платить 80 руб. за слушание лекций» [12, л. 24]. Тем не менее каждый студент мог обратиться с заявлением на имя директора археологического института с прошением об освобождении его от оплаты за обучение. В январе 1901 г. на имя директора Санкт-Петербургского археологического института было подано 159 таких прошений. Разумеется, что не все они удовлетворялись, а должников строго предупреждали о сроках оплаты [28, л. 1-5, 56].

Для сравнения стоит отметить, что обучение в университетах всегда было платным. В соответствии с Уставом 1863 г. студенты вносили плату за обучение: в столичных университетах в размере 50 руб., в провинциальных – в размере 40 руб. В начале XX в. плата за обучение в университете составляла от 50 до 100 руб. за семестр, т.е. 100–200 руб. в год [27, с. 90, 140].

Таким образом, в археологических институтах условия приема диктовались специфичностью статуса археологических институтов, дававшим не базовое, а специализированное образование, а размер оплаты за обучение был в 1,2–3,3 раза ниже в сравнении с минимальной суммой оплаты за обучение в университете. Это было, на наш взгляд, немаловажным фактором, привлекавшим в археологические институты малоимущих вольнослушателей, не имевших базового высшего образования.

Справедливости ради следует сказать, что «учеба... на непопулярном среди студенчества, а потому малолюдном историко-филологическом факультете облегчала доступ к стипендиям» [29, с. 33]. Это привело к тому, что в 1912 г. столичные историко-филологические факультеты страдали от избытка студентов, а провинциальные испытывали хронический недокомплект. В том же 1912 г. пустовал даже столичный Санкт-Петербургский историко-филологический институт [10, с. 260].

В первые годы слушателей и вольнослушателей в стенах первого в России археологического института первоначально было незначительным. В первое десятилетие в институте обучалось 182 чел., из них: 109 слушателей и 73 вольнослушателя. За этот период археологический институт выпустил 24-х действительных членов и 7-х членов-сотрудников, т. е. всего 31 студент сумел успешно пройти полный двухлетний курс обучения и сдали выпускные испытания [2, с. 8–10].

В начале 1890-х гг. количество студентов в институте сокращается. Эта общая тенденция для всех высших учебных заведений была связана в тот период с ограничительными мерами по отношению ко всей системе высшего образования [27, с. 110].

Со второй половины 1890-х гг. ситуация резко меняется. Выделение государством значительных средств на содержание института позволило привлечь к преподаванию в его стенах крупнейших российских ученых и благодаря этому количество слушателей и вольнослушателей стало стремительно возрастать. В 1897 г. в институте обучалось 148 слушателей и вольнослушателей [20, с. 3], а в 1902 г. уже – 1000 [30, с. 32]. Открытие в 1907 г. археологического института в Москве переориентировало часть абитуриентов, но тем не менее количество студентов археологического института в Санкт-Петербурге продолжало оставаться значительным. Так, осенью 1910 – в начале 1911 учебного года на 1-м и 2-м курсах в нем числилось

526 [26, с. 2], а к концу 1912–1913 учебного года – 542 слушателей и вольнослушателей [24, с. 17].

И все же количество слушателей и вольнослушателей МАИ было гораздо больше: в 1910–1911 уч. г. – 875 чел., в 1913–1914 уч. г. – 986 чел. [12, л. 21, 114].

Всего в археологических институтах в конце 1911 учебного года обучались 1401 студент, перед войной в 1913 г. – 1528 чел. Даже в разгар Первой мировой войны, в 1915 г. количество студентов археологических институтов было внушительно – 1276 чел. [12, л. 190; 21, л. 16].

Для сравнения, на 1 января 1911 г. на историко-филологических факультетах 11-ти университетов числилось 3384 студента [10, с. 22–46], т.е. в 2,4 раза больше, чем в археологических институтах. Но не следует забывать, что на один историко-филологический факультет приходилось 307 чел., а эта число вполне сопоставимо с количеством студентов археологических институтов. Следовательно, рост численности студентов говорит о возросшем авторитете археологических институтов и небывалом интересе к получению археологического образования в предвоенные годы, а также о том, что они составили равноценную альтернативу историко-филологическим факультетам.

Среди студентов выпускного (третьего) курса Московского и Санкт-Петербургского археологических институтов преобладали разночинцы, округленно 76 и 61% соответственно, женщин составляли 15 и 11%, военные – 13 и 24%, духовные лица – 11 и 16% [12, л. 55; 24, с. 6–7].

В начале XX в. в университетах студенчество по сословному признаку распределялось следующим образом: 32,4% детей дворян и чиновников, 7,6% представителей духовного сословия, остальные 60% составляли разночинцы [10, с. 136].

Таким образом, основную массу студентов археологических институтов, как и в университетах, составляли разночинцы. Учитывая присутствие среди слушателей археологических институтов значительной прослойки женщин, можно с уверенностью заявить, что профессия археолога (и архивиста) к 1917 г. стала терять свое «мужское лицо». Наличие в стенах археологических институтов заметной прослойки военных и духовенства, по нашему мнению, объясняется именно специфичностью получаемого образования.

Нельзя не отметить, что в отдельные годы в стенах Санкт-Петербургского археологического института среди студентов было до трети выпускников средних и высших духовных заведений. Так, в начале 1897–1898 учебного года среди 148 слушателей 47 имели высшее образование, полученное в Санкт-Петербургской Духовной академии [20, с. 3].

Именно выпускники духовных семинарий и академий, как правило, оказывались более подготовлены

по сравнению с остальной массой студенчества к изучению греческих и латинских текстов, знали на хорошем уровне древнееврейский, французский и немецкий языки. Если в Казанском, Киевском и Новосибирском университетах процент бывших семинаристов, обучавшихся на историко-филологическом факультете, совпадал с общероссийским, то в Томском университете на 1 января 1914 г. он составлял 30%, а в Варшавском – 74% [29, с. 75].

Если студенты, действительные слушатели и вольнослушатели, археологических институтов и историко-филологического факультета были равны по своему положению, то выпускники не были однородны по своему статусу. Эта неоднородность диктовалась разницей между Положениями археологических институтов и университетских уставов 1863 и 1884 гг. По первому из них студенты четвертого курса, сдавшие выпускные экзамены с отличием и защитившие диссертацию, удостоивались звания кандидата, а не представившие диссертацию – действительного студента [27, с. 90]. Устав 1884 г. и распоряжение министра народного просвещения от 22 февраля 1889 г. запретили университетам присуждать эти звания и сохранили возможность их получения лишь за студентами, поступившими в университет до 1885 г. [7, с. 205].

По Положению 1899 г. успешно окончившие двухлетний курс действительные слушатели Санкт-Петербургского археологического института получали диплом на звание действительного члена института, а вольнослушатели – сотрудника. Выпускники, представившие на суд совета института дипломные работы, награждались золотыми или серебряными медалями [16, с. 4–5].

В Московском археологическом институте срок обучения был определен как трехлетний. На третьем курсе студенты работали над диссертацией под руководством профессоров, а в конце года проходили защиту. Лишь после этого Совет института присуждал им ученые звания «археолог» и «архивист» с зачислением в действительные члены института. Согласно §3–4 Положения студентам, окончившим полный трехлетний курс, но не представившим диссертацию, присваивалось звание члена-сотрудника. При этом вольнослушателям предоставлялась возможность также защитить магистерскую диссертацию и получить научное звание [18].

Выпускники Санкт-Петербургского и Московского археологических институтов существенно отличались друг от друга, и это отличие диктовалось разными целями археологических институтов, заложенными в их Положениях: Санкт-Петербургский институт имел «целью приготовление специалистов по разным отраслям археологии и по архивоведению» [16, с. 3], а Московский археологический институт, согласно §1 – «научную разработку археологии, археографии и рус-

ской истории с ее вспомогательными дисциплинами, а равно как подготовку специалистов для должностей в архивах, музеях и библиотеках правительственных, общественных и частных» [18].

Таким образом, именно постановкой научно-исследовательской цели диктовались различия не только в программах, но и в статусе выпускников.

Статистические данные показывают, что в 1911 г. в Московском археологическом институте было защищено 25, в 1912 г. – 2, в 1913 г. – 34, в 1914 г. – 54, в 1915 г. – 38 магистерских диссертаций [12, л. 24, 55, 90, 166, 190]. Следовательно, за 1911–1915 гг. в институте защитились 180 магистрантов.

Общее количество защищенных в университетах в 1864–1916 гг. диссертаций составляет 2266. Из них на историко-филологический факультет приходится 30%, т.е. 680 диссертаций [30, с. 150]. В среднем в год защищалось 13, а за пять лет – 65 диссертантов. Более точный подсчет показывает, что в период 1911–1913 гг. в российских университетах было защищено по всем специальностям 106 магистерских диссертаций [31, с. 65–68], а 30% от них – 32 диссертации. За этот же период в Московском археологическом институте было защищено (об этом говорилось выше) 88 магистерских диссертаций.

Следовательно, Московский археологический институт накануне 1917 г. значительно опережал историко-филологические факультеты университетов в вопросе подготовки научных кадров.

В 1908 г. директор Санкт-Петербургского археологического института Н.В. Покровский определил общее число выпускников своего института как 1048 чел. [4, с. 23]. В отчете института за 1912–1913 учебный год фигурируют 547 действительных членов, 544 члена-сотрудника и «кроме того... имеют быть включены в число действительных членов Института, по представлении удостоверений об окончании курса наук в разных высших учебных заведениях... в числе 13» [24, с. 16], т.е. всего 1104.

Важно сообщить о том, что в состав сотрудников института, а иногда и действительных членов археологических институтов избирались уже состояв-

шие ученые, известные своими трудами. Число их в Санкт-Петербургском археологическом институте, учитывая его консерватизм, было невелико. Так, в 1913 г. в число сотрудников института Советом были избраны С.П. Гамченко и Н.И. Булычев. На фоне 60-ти выпускников 1913 г. это число крайне незначительно [24, с. 16].

Число выпускников Московского археологического института, учитывая большие пропуски, связанные, на наш взгляд, с отсутствием в институте единой формы отчета составило в 1913 г. 212 чел.

Таким образом, по нашим подсчетам, археологические институты на 1913 г. выпустили 1316 действительных членов и членов-сотрудников.

Для сравнения, Историко-филологические институты в Петербурге и Нежине в 1898–1916 гг. выпустили 681 чел. и, по мнению чиновников Министерства народного просвещения, не справились со своим предназначением – подготовкой педагогов среднего и высшего звена, в том числе и директоров гимназий, училищ и народных школ [10, с. 328].

Первые несколько выпусков Санкт-Петербургского археологического института не могли существенно повлиять на ситуацию с архивами и историческими памятниками в провинции. Полученное в стенах института образование было настолько уникально, что выпускники разошлись по учебным заведениям в качестве преподавателей или были приглашены на работу в столичные музеи и архивы.

Только на рубеже XIX–XX вв. краеведческие организации, в первую очередь губернские ученые архивные комиссии, усиливаются за счет не только выпускников гуманитарных факультетов университетов, но и Санкт-Петербургского, а впоследствии и Московского археологических институтов. Именно выпускники археологических институтов поставили работу краеведческих организаций на профессиональную основу [32, с. 31–32].

Таким образом, можно с полной уверенностью сказать, что Санкт-Петербургский и Московский археологические институты заложили кадровые основы отечественной археологии и архивистики.

Библиографический список

1. Большая Российская энциклопедия : в 30 т. – М., 2005.
2. Андреевский, И.Е. Десятилетие Археологического Института / И.Е. Андреевский // Вестник археологии и истории. – 1892. – Вып. 8.
3. Самоквасов, Д.Я. Архивное дело в России. Кн. 1: Современное русское архивное нестроение / Д.Я. Самоквасов. – М., 1902.
4. Покровский, Н.В. Тридцатилетняя годовщина Императорского Археологического Института / Н.В. Покровский // Вестник археологии и истории. – 1909. – Вып. 18.
5. Назин, И.С. Из истории архивного дела в дореволюционной России / И.С. Назин // Архивное дело. – 1936. – №39.
6. Маяковский, И.Л. Очерки по истории архивного дела в СССР. Часть первая: История архивного дела в СССР до Октябрьской социалистической революции / И.Л. Маяковский. – М., 1941.
7. Соболева, Е.В. Организация науки в пореформенной России / Е.В. Соболева. – Л., 1983.
8. Пашков, А.М. Вспомогательные исторические дисциплины в отечественном архивном образовании в конце XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук / А.М. Пашков. – М., 1984.
9. Пряхин, А.Д. История советской археологии (1917 – сер. 30-х гг.) / А.Д. Пряхин. – Воронеж, 1986.

10. Иванов, А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века / А.Е. Иванов. – М., 1991.
11. Басаргина, Е.Ю. Русский Археологический Институт в Константинополе: очерки истории / Е.Ю. Басаргина. – СПб., 1999.
12. Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). – Ф. 376. – Оп. 3. – Д. 24.
13. Николаев, А.Л. Археологические институты дореволюционной России : монография / А.Л. Николаев. – Нижнекамск, 2008.
14. Формозов, А.А. Страницы истории русской археологии / А.А. Формозов. – М., 1986.
15. Брокгауз, Ф.А. Энциклопедический словарь. Современная версия / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – М., 2003.
16. Положение о Санкт-Петербургском Археологическом Институте // Вестник археологии и истории. – 1901. – Вып. 14.
17. Санкт-Петербургский Археологический Институт 1878–1903 г. // Вестник археологии и истории. – 1904. – Вып. 16.
18. Полное собрание законов Российской империи. – 3-е изд. (ПСЗ III). – Т. XXVII. – №28844.
19. Отчет о состоянии С.-Петербургского Археологического Института в 1897–98 году // Вестник археологии и истории. – 1899. – Вып. 11.
20. Отчёт Императорского Археологического Института в С.-Петербурге за 1911–1912 учебный год // Вестник археологии и истории. – 1914. – Вып. 22.
21. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). – Ф. 119. – Оп. 2. – Д. 68.
22. Андреевский, И.Е. Наука об архивах : лекции, читанные в СПб Археологическом Институте профессором И.Е. Андреевским в 1885/6–1886/7 гг. – СПб., 1887.
23. Отчет о состоянии С.-Петербургского Археологического Института в 1898–1899 учебном году // Вестник археологии и истории. – 1899. – Вып. 12.
24. Отчет Императорского Археологического Института в С.-Петербурге за 1912–1913 учебный год // Вестник археологии и истории. – 1914. – Вып. 22.
25. Страшкевич, В.М. Экскурсия слушателей Археологического Института в г. Псков и его окрестности 11–14 мая 1898 года / В.М. Страшкевич, В.К. Лотоцкий // Вестник археологии и истории. – 1899. – Вып. 12.
26. Отчет о состоянии Императорского Археологического Института в С.-Петербурге за 1910–1911 учебный год // Вестник археологии и истории. – 1914. – Вып. 22.
27. Князев, Е.А. Автономия и авторитарность: исторический обзор реформ отечественного высшего образования / Е.А. Князев. – М., 1991.
28. ЦГИА СПб. – Ф. 119. – Оп. 1. – Д. 103.
29. Иванов, А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба / А.Е. Иванов. – М., 1999.
30. Кричевский, Г.Г. Ученые степени в университетах дореволюционной России / Г.Г. Кричевский // История СССР. – 1985. – №2.
31. Галкин, К.Т. Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР / К.Т. Галкин. – М., 1958.
32. Размустова, Т.О. Обращение к истокам российского краеведения / Т.О. Размустова // Музееведение. Концептуальные проблемы музейной энциклопедии : сб. трудов НИИ культуры. – М., 1990.